

Общественно-политические аспекты облика и истории российских ровесников Войны (РВ) в 1960-е годы

В 1960-е годы люди, рождённые во время Второй мировой войны, проходили возрастные отрезки жизненного пути, составляя когорты 16/22 - 25/31-летних, или усредняя — 18 — 27-летних. Завершалась их первая и главная социализация. С каждым новым возрастным этапом всё гуще замешивалась связь и зависимость социальных характеристик — воспитания, образования, жизненных планов, политических взглядов и активности, культурных пристрастий. Но приходится делить историко-социологический материал о ровесниках Войны по темам. Не-

полнота представлений об этом предмете здесь неизбежна. Но надеюсь: нечто новое по избранной теме сказать удалось.

Ключевые слова: Ровесники Войны, поколение как укрупнённая возрастная когорта, политическая психология молодёжи, 1960-е годы — важнейший этап сближения двух мировых систем, «Отцы и Дети» в СССР ...

Чеслав Симонович

кандидат исторических наук, независимый исследователь

Вводные заметки

Как известно, в советские 10-летия политическая жизнь была не свободной, а предписанной деятельностью в общественно-политических организациях или формальной принадлежностью к ним. Безучастность осуждалась, а открытое, хотя бы лишь словесное, противостояние официальной линии преследовалось и по закону, и всяко. Общим для политической жизни СССР было, почти всегда, подчинение частных внутренних решений задаче всемирно-исторической победы социализма в нашей стране и в мире. Особенностью середины 1950-х — 1960-х гг. стал вынужденный поиск нового соотношения между допустимой свободой и охраной устоев Системы. Это была не перестройка, а капитальный ремонт, с частичной перепланировкой, заменой внутренних коммуникаций, но при сохранении несущих конструкций. Более радикален другой строительный образ: *«На фундаментах, поросших травой, ушедших в землю, так и не дождавшись надстройки, выросло у нас не одно поколение»*¹. Обходясь без сравнений, правильнее сказать:

Во внутренней политике Власть, отказавшись от массовых репрессивных мер «воспитания» масс, пыталась пробудить их инициативу.

Не забывали и о молодёжи. После XX партсъезда в ряду Постановлений ЦК КПСС об оживлении работы Советов, профсоюзам, партполитработы в Армии и на Флоте принимается документ и о комсомоле (май 1956). Очевидно, главной особенностью места РВ в политической жизни тех лет была их юность, затем — молодость. Голос молодых звучал при всенародных обсуждениях предлагаемых руководством перемен, но, в основном, в молодежный периодике. К моменту снятия Н.С. Хрущёва условному РВ был 21 год. Т.е. мы /автор статьи 1945 гр./ не попали в поднятую Первым секретарём ЦК КПСС волну обновления руководящих кадров, когда под предлогом расширения общественных начал в управлении, заменили сразу 60 тыс. хозяйственных руководителей². В конце 1960-х гг. «условные» РВ (1943 гр.) были в возрасте 27 лет, т.е. только начинали выступать на партхозактивах, перемещаться из кабинетов РК и ГК ВЛКСМ за конторские столы инструкторов партийных комитетов. Но этого было мало, чтобы «делать погоду» в партийных и советских органах, в звеньях партгосконтроля, и в первичных организациях КПСС. И уж тем более не от РВ ожидали теоретических новаций, коими руководство гордились, пытаясь применять к текущим задачам старшие положения марксизма-ленинизма, опыт предшествующих советских лет.

Так, Программа КПСС 1961 года выросла почти дословно из триединой задачи, сформулированной в послевоенных сталинских работах.

Однако нам, молодым, не столь искушённым в теоретических откровениях сталинской поры, многое казалось здравым из теоретических новшеств «оттепели»: тезисы Программы о новом содержании понятия «служащие», о превращении государства диктатуры пролетариата в общенародное, о путях деревни к коммунизму... Трудно было уяснить тезис о возрастании роли КПСС (куда ей было еще расти?)...³

Как бы то ни было, новизна в политической жизни хотя бы развлекала, если уж не увлекала. Но и старого, отвратительно сохранилось предостаточно. Ханжество, моральный диктат, вмешательство в частную жизнь продолжалось, хотя и в смягченном виде, и это тоже была политика. Как и насильственная стрижка «стиляг». Казалось, нет неполитических сфер, укрытий. (Не случайно вспоминали тогда анекдот, донесённый из рубежа 1920-30-х гг. *«Решение парткомиссии по чистке: «Вычистить из ВКП(б) имьярека, онаниста, за «связь с кулаком и растрату семенного фонда». Свежее звучал другой: Поступила жалоба в партийное бюро: де-имьярек ведет себя аморально. Тот оправдывается: «Это не так, товарищи... Прежде всего, я импотент...» «Нет, — говорят ему, — прежде всего, ты — коммунист...»*).

Молодежь видела и глупости, и гадости в политической жизни, на всех уровнях, но прежде всего — на низах. Но заслуги Хрущёва в борьбе против наследия культа Сталина, были столь велики, особенно дополненные разгромом группы «презренных сталинистов-фракционеров» в 1957 г., что многое ему прощалось. Да и в целом, за 20 с лишним лет многие устали от Сталина как вождя-иконы, а Н.С. был живым, иногда даже слишком.

К концу 1960-х гг. обществоведы довели до нашего сознания, что неверны положения сталинских времен об отсутствии морального износа техники при социализме, о закономерности быстрее роста покупательной способности по сравнению с ростом производства. Тут довольно было здравого смысла. Но в целом 8-я пятилетка (1966-70 гг.) запомнилась бледнее. Нерешительные попытки поднять уровень руководства до соответствия требованиям науки, выгащить из нищеты и безгласия низовые Советы, сосредоточить партию на политическом руководстве не могли быть успешны, пока у руля находились выдвигенцы периода Большого террора. **люди поколения 1900-х — 1910-х гг. рождения.**⁴ (В данном случае, не имею

¹ Пискунов В. Чью душу желаете? // Новый мир, 1991, № 4, с. 34.

² Ежегодник Большой Советской Энциклопедии (БСЭ). М., 1962, с. 23.

³ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, с. 99, 108...

⁴ См. Зубкова Е.Ю. От 60-х к 70-м // История Отечества. Очерки истории Советского государства. М., 1991, с. 328-329.

виду выдающихся грамотных хозяйственников типа А.Н. Косыгина). Тезис второй половины 1960-х гг. о создании развитого социализма несколько примирял с действительностью и молодежь, вселял надежду на наличие в руководстве более реалистичных сил. К сожалению, тут же не была отредактирована Программа КПСС, постеснялись признать её утопичность. И тысячи моих ровесников, как и я, скрепя сердце, писали в заявлениях: «Программу КПСС признаю»..., когда приходилось вступать в партию, чтобы занять место, например, в изучении и преподавании общественных наук, то есть на идеологическом фронте⁵.

Наряду с явно невыполнимыми задачами перед идеологической сферой ставились и действительно актуальные: трудовое воспитание, просвещение масс, воспитание патриотизма. Только приветствовать можно было осуждение в партийных документах формализма в идеологической работе, цитатничества, серости, а также — призыв к учету особенностей, в частности — возрастных, различных слоев населения. Формы идеологической работы становятся в 1960-е годы разнообразнее, смелее, как это и требовалось в решениях XXII партсъезда. За прошедшие с тех пор десятилетия мы не раз высмеивали Моральный кодекс строителя коммунизма, но большая часть его требований к личности отражала нормы простой нравственности, одобренные коммунистической фразеологией. Для большинства он был невыполним. А разве заповеди христианские или ветхозаветные выполнимы? Свободно мыслившая часть РВ, как и такая же часть поколения наших Родителей, потешалась над любым упоминанием о пережитках капитализма или «прошлого», цела в действительность, в социализм, рождающий и возрождающий антиподы коммунистической морали — лодырничество, пьянство и хулиганство, жульничество и стяжательство, национализм, бюрократизм, неправильное отношение к женщине. Но разве только социализм их воспроизводил, разве не было того же во всех концах мира? Чего действительно не хватало в идеологической работе, так это ума и знания опыта, уроков нравственного, политического воспитания. В том числе накопленного религией, церквями разных конфессий, осуждение коих поднялось с новой силой в связи с развертыванием коммунистического строительства.

Со второй половины 1960-х дело повели разумнее; скрыть провал аграрной 7-летки не удалось, градус самовосхвалений несколько снизился — до первых новых успехов, прославленных в юбилейных документах к 50-летию Великого Октября и к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина.

Кстати: серия анекдотов о Ленине, появилась, во-первых, под названием «*Возрождение национального самосознания*», а во-вторых, задолго до юбилея, еще в начале 1960-х, как ответ идеологам на перенесение культа с одной личности на другую. Я тогда не просто рассказывал эти анекдотики, но, бравируя храбростью (что было не трудно, ибо Хрущев на весь мир заявил, что у нас нет политзаключенных), записывал их у приятеля на магнитофон. Среди них были и злые, и не очень. Например:

Заходит к Ленину Горький: «Всё работает, В.И. По-едемте за город. Водочки возьмем, девочек». Ленин оживает: «Вот именно, именно девочек, а не эту политическую проститутку Троцкого! Только ради бога, ни слова Надежде Константиновне! Кристальнейшей души человек!».

Теперь, читая воспоминания бывших диссидентов, например, Б. Вайля, вижу глупость этой бравады. Его — почти РВ, 1939 г.р. — сажали, правда, не за анекдот, а за участие в подпольном марксистском кружке⁶. Этого боялись больше. Хотя, по-

вторюя, лучшим средством против инакомыслия была бы по-ленински суровая правда.

Вместо этого искали всё более разветвленные формы агитации и пропаганды. После XXIII партсъезда появились три ступени партийного и комсомольского просвещения плюс разные формы экономической учебы.

(Люди моей специальности — монтажники наружных трубопроводов — работали бригадами по 6-7 человек, часто вне больших объектов. И за 17 лет на стройке помню только одну лекцию, в конце 1960-х гг. Лектору, видимо, зарабатывавшему по линии Общества «Знание», было неловко, что людям скромно пообедав, кто-то дожевывал, кто-то ворчал, что оторвали от домино. Нам тоже было не по себе — как будто посадили в не-топленный зальчик барака зимой играть в никому, кроме начальства, не нужную игру. А главное — как бы «с середины», случайно. Строители всегда чувствовали себя чужаками везде в городе, кроме своих бригад да домашнего быта. И еще был случай, имеющий отношение к теме — в городке ленинградских строителей на восстановлении Ташкента несколько раз выступал по радио парторг ЛГК КПСС Н.Ф. Квитко. Вот и вся политическая жизнь. Но может быть, в крупных коллективах больших общестроительных управлений всё было иначе).

А вспомнил я о чувстве неловкости в связи с тем, что теперь среди прочих «появилась» еще и политическая психология.

Политическая психология 1960-х

Авторы книги «*60-е. Мир советского человека*», глядя изда-лека, сумели передать дух эпохи: Изумление и радость, подогреваемую искусно, из-за полетов в космос; удивление Программе КПСС как непонятному НЕЧТО, с коим неизвестно, что делать; то зависть, то жалость к простым людям США, прозябающим в своих посеребрённых клетках; надежды на чистоту Алых парусов, приспособленных большевиками 1960-х гг. ради их алости; гордость за наше присутствие в мире во дни революции на Кубе, в годы пробуждения Азии и Африки, — нашего главного резерва в борьбе с империализмом; восторги самоутверждения — от ношения ковбойки на выпуск — в знак «свободы», добравшейся и в наши края. Остановиться в этом перечне-потоке трудно, т.к. мы, РВ, в основном и являемся ЛЮДЬМИ 1960-Х ГОДОВ по времени «дооформления». Не зря Вадим Печенев называл себя «дитятей 22-го съезда КПСС»⁷. Все этапы после 1960-х гг. видятся мне, да и многим, наверно, таким, как я, не добившимся славы и денег, ЛИШЬ ДОЖИВАНИЕМ В ПЕРИОД ЗАСТОЯ, ПОТОМ — ВЫЖИВАНИЕМ в НОВОЙ РОССИИ 1990-х гг. И наконец — СУЩЕСТВОВАНИЕМ ПО ИНЕРЦИИ, ПО НЕОБХОДИМОСТИ с 2000-х.

Рискуя повториться, вслед за П. Вайлем и А. Генисом, восстанавливаю зримый символ 1960-х:

Благодаря прорыву в околоземное пространство, гордо названное космосом, появилась Вертикаль как образ взлета, чуть ли не Вознесения Человека — Героя (не только Советского Союза). Подъём виделся и как символ тотального освобождения (разоблачен Сталин, напечатан Солженицын, выпущены транзисторные приемники, идет в печати разговор об искренности в искусстве, об инициативе и критике снизу). Ощущение силы сказывалось в стихах (голос Евтушенко гремел на стадионах, а тихий Окуджава открывал нам смысл жизни, и этим смыслом был образ его недостижимого и — близкого лирического героя), в сибирских стройках, в первых хоккейных успехах.

Но открытия пришли для молодежи и с другой стороны — из мемуаров реабилитированных и «недопосаженных». Умом невозможно было постигнуть весь открывшийся ужас недавне-

⁵ Печенев В. Третья Программа КПСС: уроки недавней истории. Из воспоминаний бывшего помощника Генерального секретаря ЦК КПСС. // 80-90.fatal.ru/docs/3-kpss.pdf

⁶ Вайль Б. Особо опасный. Лондон: Overseas Publications Interchange, 1980.

⁷ Печенев В. Указ. соч.

го прошлого. Ненависть к организаторам и сострадание к жертвам террора — по меньшей мере такие естественные чувства испытали юные и молодые родственники жертв культа и всей тоталитарной системы, в том числе, вероятно, и отдельные дети одобрявших беззаконие, доносивших; а последних ведь тоже уродовал страх.

Позже мы задумались о предпосылках и причинах культа. Нашей вины в нём точно не было, учитывая, что самому младшему из когорты было ко времени XX партсъезда 11 лет, а старшему — 15. Ко времени же снятия Н.С. Хрущева — соответственно, 19-23 года. 11-летие (1953 — 1964) было решающим для нашего политического формирования. И что бы мы ни узнали, ни испытали в дальнейшем, оно НЕ МОГЛО ЗАЧЕРКНУТЬ врезавшихся тогда не только убеждений, нет — но и ОЩУЩЕНИЙ, связанных с политикой, «ЧУТЬЯ», пусть ошибавшегося.

Политпсихолог выстраивал:

факторами культа личности вождя и безличности масс, в том числе историческими, в России-СССР были: особенности нашей истории, т.е. связанность конструктивных изменений непременно с деятельностью авторитарной личности; многовековой гнёт, придавленность большинства народа и связанная с этим деиндивидуализация — объективная, а в большинстве случаев и субъективная.

/»Мы — пеньки! Вы — отцы, мы — ваши дети!», — поёт и плачет тоненько тетя Катя из бригады А.И. Пузырева, гиганта с сорванной спиной, в 1970 г., выпрашивая у прораба Льва Борисовича Озиранского закрыть наряды «получше», натянуть хоть не по 5,50 в день, а по 5,70 руб. Никогда не забуду этой «арии»! Она много объяснила мне — где живу, с кем работаю. Да и сам-то я — как съёживался, входя в конторку начальника мехмастерских учеником фрезеровщика в 15 лет в 1960-м, так же и смотрел в рот начальству — декану истфака в 28 лет, в 1973 году; даже в 2000-м, привычно, кожей, чувствовал огромное расстояние не до министра высшего образования и науки, не до ректора Университета (куда там!?) — до научного руководителя и до зав. кафедрой. Вьелось! А уж что говорить о настоятеле храма в приходе, — тот вообще почти бог — независимо от силы моей веры, но только — от силы СТРАХА — Ч.С.). /

Психолог меж тем продолжал:

в характере русского народа — упрощенная или усложненная картина мира. В первом случае вождя достаточно, чтобы все понимать и — вести, во втором — вождь, сверхчеловек необходим, чтобы вести же. Тогда он — полубог. Следствие деиндивидуализации — неосознание своей групповой принадлежности, интересов. Следствие политцентрализма — централизация нравственности и культуры⁸. Так ли это? А если так, то что из всего этого было свойственно и нам, РВ?

Ощущалось ли влияние на РВ татарско-царистско-крепостническо-тоталитаристского прошлого нашей страны? Вряд ли оно могло приходиться из знания о прошлом книжного. Скорее — от видения, понимания его (прошлого) следов, проявлений в окружающей жизни, — материальной и духовной. Ирония же историко-психологических построений в том, что чтобы узнать о пагубном воздействии на поколения русских татаро-монгольского деспотизма, надо было оказаться на историческом факультете вуза. А это был удел относительно немногих.

Очень условно делу РВ-молодежь на выходцев из семей поднятых революцией и — растоптанных или примученных ею. В первых не должно было быть особых расхождений с официальными оценками «проклятого прошлого». Во вторых семьях эти оценки знали, рекомендовали детям их помнить и на уроках не спорить с учителем, но домашние рассказы и издания старые рисовали БОЛЕЕ СЛОЖНУЮ КАРТИНУ. Главное

место в ней занимали вожди народа, хотя бы потому, что имели имена, внешность, памятливы были делами — добрыми или злыми. Народ же был неуловим для сознания как воздух, хотя в учебниках и говорилось о том, что он — творец истории. Хорош творец, если позволял себя притеснять и НИ РАЗУ не побеждал, восставая, вплоть до пирровой победы 1917 года. Роль народа истинная, подспудная, узнавалась только из классики (от «Бориса Годунова» до «Войны и мира»). В правоту Пушкина и Толстого хотелось верить, но сомнения оставались. Разница в восприятии позиции «правлящих классов, богатеев» могла быть у нас, детей «из бывших», и у детей простонародья. Но и для их старших, и для наших старших столь выспренне надоевшими были все официальные словеса о народе-вершителе, что, думаю, об этом почти неприлично было бы говорить. В доме попроще матюгнулись бы в ответ, в среднем — промолчали, ухмыльнувшись, в интеллигентном — попытались бы объяснить узурпацию большевиками власти, всего национального достояния.

Вряд ли можно ограничиться данным гипотетическим противопоставлением мировосприятия, политических взглядов РВ — выходцев из семей защитников и — противников социалистической революции. Ведь между социальными полюсами, между миллионами беднейших крестьян, неквалифицированных рабочих и слоем «помещиков и капиталистов», кулачества — существовали многомиллионный средний слой (трудовой интеллигенции, квалифицированных рабочих, зажиточного трудового крестьянства, ремесленников). Люди среднего слоя материально не выиграли ничего в результате революции. А многие и проигрывали материально. Учителя владели жалкое существование, квалифицированных рабочих старого закала теснили идейные стахановцы, что стало с крепким середняком в деревне — известно. В 1960-х годах мы в школе, в вузах не выясняли друг у друга, из каких слоёв вышли наши родители. Догадываться об этом можно было только иногда — по обстановке в домах, по виду и манерам домашних. Что-то обнаруживалось в случайном разговоре, в полуслове... Молчаливо предписывалось, что мы все одинаковы. Пока не доходило до сердечной дружбы, откровенностей. И вот тут те из нас, кто был или предполагался с идейной червоточинкой, тянулись друг к другу, и неизбежно упирались в политику. Думаю, что ребята попроще обходились без таких разговоров. Чтобы подтвердить или опровергнуть сие, нужен МАССИВ воспоминаний, изданных в последние 25 лет.

Деиндивидуализация как явление ощущалась в 1960-е годы большинством, осознанно или нет. Но, быть может, слабее, чем в годы жёсткого тоталитаризма. Неодинаковыми были и формы обезличивания, и степень. Партия и государство, выражая интересы всего народа, настоятельно рекомендовали, объявляя комсомольские почины, место жительства, сферу занятости, а значит — и место в обществе. Правда, на целину молодые ехали как бы сами, но — в потоке, как и часть Родителей в своё время устремлялась «На трактор!», на строительство Комсомольска-на-Амуре.

Политическая картина мира для РВ становилась сложнее, чем для их Родителей, но видимо — не сложнее, чем для Дедов, т.к. во время взросления Родителей идеологический пресс выдавливал, вплоть до начала Войны, любую живую мысль.

Насчет неосознания групповых интересов, принадлежности, думаю, психолог не прав. Если не в старших классах, то на производстве, столкнувшись с нормами и расценками при сдельщине, мы понимали, что государство — суровый хозяин, стремящийся на нас экономить, что хоть разбейся, а выше «красной цены» не заработать, и что хотя-де государство экономит, якобы для того, чтобы отдать потом НАМ же, да от этого не легче, т.к. неизвестно — попадёт ли именно нам эконом-

⁸ Гозман Л., Романенко В. Психология власти // Аргументы и Факты, 1989, № 24, с. 5.

ленное на нас. Очень четко видели мы разницу, вслед за кадровыми рабочими: «Кто там давится в автобусах? — Хозяева страны. А кто едет в авто? А это — «слуги народные»!»

РВ в деревне не могли не чувствовать ущербности их положения, прежде всего в политике более высоких цен розничных на потребительские товары, низких ставок пособий, не говоря уж о бытовом неустройстве, об отсутствии паспортов у колхозников.

Как могла не видеть свою второсортность интеллигенция? Не раз я слышал от детей спецов и низших служащих, что их отводили на всяких конкурсных приемах, например — в балетную студию Дома пионеров, пропуская вперед ребенка из рабочей семьи. И это — после четырех с лишним 10-летних советской власти, коя выступала здесь как власть всех трудящихся.

Возможно, некоторая аполитичность сознания РВ проистекала и от преимущественно женского воспитания в семьях, ибо женщины меньше склонны говорить и думать о политике. Но школа переполнена была и женщинами, и «политикой», — и словесно, и в оформлении. Здесь начиналось привыкание как психологический феномен ко всему, окружавшему нас в политике, и через 10--15 лет многие благоглупости политической жизни воспринимались уже как норма⁹. Например, — разговоры о союзе трудящихся классов как социальной основе СССР, о ведущей роли одного класса...

Но было в тогдашней политике и то, что импонировало молодежному стремлению не доверять, ниспровергать. Антисталинизм Хрущева, половинчатый по сути, но яркий по форме, особенно на XXII партсъезде, с изложением детектива «Кто стоял за убийством Кирова», отлился в частушку, слышанную мной в здании филологического факультета ЛГУ сразу после съезда: «Огурчики, // помидорчики // — Сталин Кирова убил // В коридорчике!» Но отсмеявшись, приходилось отвечать себе: как относиться к этой власти с ее политикой. РВ, физик, будущий писатель, пережив гордость-стыд после XX съезда, выбирает политическую позицию: без мировоззрения, с иронией, но не с цинизмом¹⁰. Трудная комбинация. Но судя по его повести «Типичный представитель» — достижимая, хоть на бумаге.

Двойственный психологический след оставило у молодёжи снятие Н.С. Хрущева. Стало легче на душе, т.к. все же раздувание имени его уже раздражало, особенно под аккомпанемент осуждения культа. С другой стороны, смутно было, — ведь снимали его «соратники», еще вчера восхвалявшие, преподнесшие Ему к 70-летию третью Золотую звезду Героя в апреле 1964 г. Собственно, нам, молодым было довольно безразлично — что ни поп, то и батька. А взрослые отзывались по-разному. Думаю, для молодых, мимолетное чувство жалости, если и было оно, было заглушено голосом рассудка, говорившим о правильности, полезности смены власти. Нельзя недооценивать это впечатление, ибо оно оставалось единственным, пережитым лично (= коллективно, но — каждым, кто что-то знал и задумывался о смысле) в важнейший период политического формирования.

Память как звено психики имела большое значение для формирования отношения РВ к официальным оценкам того, что происходило при нашей сознательной жизни, т.е. за 1953-1968 гг. (примерно). События, перемены этого 15-летия, были разносторонни и велики, но не в равной степени у каждой семьи, поэтому одинаковой «степени благодарности» Партии и Правительству тут быть не могло. Плюс, повторюсь, постоянно нависал радужный призрак западного общества «всеобщего благоденствия», перекрывая многие значительные наши достижения по части демократизации и «благососа».

Но если верить психологу, насчитывающему среди людей 15% людей с выраженной конформностью и столько же неконформистов¹¹, то общий счет складывается в пользу полит-

руководства любого общества, ибо уж с 15-ю — то процентами «несогласных» справиться (при отсутствии общенационального кризиса, революционной ситуации) можно. Тем более — в СССР после кровавого катка сталинизма, когда несогласных, говорящих и пишущих осталось на поверхности доли процента.

Ибо в душе каждого советского человека были весы. На одной чаше копилось все, что позволяло (вынуждало) гордиться своей страной. И власть наваливала сюда все, что можно: и полуправду о победе в Войне, и ложь о гипертрофированной чистоте раннего большевизма. Многое сваливалось с чаши, но много и застревало. На другой чаше в 1960-е гг. пока еще не узнали правду о «культурной революции» в КНР, о красных кхмерах и т.д., — лежали только трупы жертв культа, которые (жертвы) можно было объяснить не закономерностью переходных периодов в крестьянских странах, вставших на «магистральный путь человечества» к коммунизму, а особенностью страны — осажденного лагеря. Для тех, кого миновали репрессии, и даже для некоторых членов семей раскулаченных, потерявших близких, всемирная миссия советского народа перевешивала. Об этом писала автору Мария Алексеевна Князева (урожд. Маврина), высланная ребенком в составе большой «кулацкой» семьи в начале 1930-х гг. из-под Тихвина в Сибирь, в голый лес и болота, потерявшая там половину родных. И все же грязь начала 1990-х была для нее страшнее того, что сделал с ее семьей сталинизм. Величие страны, во многом построенное на костях — в который раз — было для нее и миллионов наших Родителей всё же важнее. Тем более, что наряду с потерями самых дорогих людей, именно они, 60-ники, сделали огромный вклад в создание советского колосса. И последний, хоть внешне, до второй половины 1980-х, оставался таковым в их глазах, а это для многих из них — вечных идеалистов — было не менее существенно, чем то, достигли ли они сами высоких степеней за свою самоотверженность. (Видимо, в меньшей мере, для меньшего числа РВ, но ситуация повторилась. Сегодня в блогах РВ и рождённые в 1950-е годы дружно вспоминают прежде всего о лучшем, что было в СССР.)

Я имею в виду психический феномен если не мечтаний, то социальных ожиданий. Прочитав в 1961 г. Программу КПСС, 50-летний человек думал: через 20 лет, когда будут созданы основы коммунистического общества, у меня подрастут внуки. 30-летний, т.е. «шестидесятник», прикидывал: женится сын. 17-летний РВ был уверен: стану взрослым, если не погибнем все в результате Третьей мировой войны. Но никакая партийная Программа не могла ответить каждому молодому, **каким** будет он, а это было не менее важно, чем то, каким будет всё вокруг. Судя по опросам молодёжи начала 1960-х гг., многие надеялись войти в коммунизм достойными его людьми. На это их нацеливали неустанно. Политические напутствия старших и высших ровесникам войны.

Обострение конфликта поколений

Напутствием руководителя партии и правительства молодежи в год 40-летия Комсомола было: постоянно пополнять 300-тысячный «стройотряд» для Сибири и 350-тысячный — на целине, не забывать о Донбассе, не оставлять заботами фермы, где трудилось 650 тысяч молодых; учиться, учиться и работать еще в школе; видеть романтику будней в труде, в борьбе за повышение культуры, против пьянства, хулиганства и т.д. Отвечая на призыв, ХШ съезд ВЛКСМ указывал на необходимость разнообразить формы идейного воспитания (вводя диспуты, циклы лекций, устные журналы, световые газеты, кинолектории, фестивали¹²...). Посыл и ответ звучали традиционно. Но атмо-

⁹ Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1996.

¹⁰ Житинский А. Типичный представитель // // Звезда, 1991, № 4, с. 88, 92.

¹¹ Петровский А.В. Что мы знаем ... о себе? М., 1988, с. 16.

¹² См. Комсомольская жизнь, 1958, № 2 -3, с. 8 - 43.

сфера в обществе, в частности для молодёжи, изменялась. Страх перед обвинением в отказе от вступления в ВЛКСМ исчезал, до несоюзной молодежи далеко не все доходило, и к 1962 г. стало ясно, что производственные «функции» комсомола нередко перевешивают его заботы о воспитании молодёжи¹³.

О разнообразии форм работы с молодежью думали постоянно, и спектр воздействий в 1960-е годы расширялся. Как прежде, привлекали старых большевиков. В первом номере журнала «Комсомольская жизнь» выступил старейший член РСДРП — «товарищ Абсолют» (Е.Д.Стасова)¹⁴. Старшие товарищи молодёжи пытались идти от воспитания любви к родным местам, помочь раскрыть молодежи героические страницы местной истории. Развертываются походы по местам боевой славы. Формируются тысячи отрядов в каждой области¹⁵. В конце 1960-х, к юбилею вождя придумали «Ленинский зачет», внедрявшийся в учебных заведениях в «добровольно-принудительном» порядке. Зачёту в 1964 г. предшествовала похожая, но менее массовая форма агитации — Ленинские уроки и т.д.

Большое значение придавали СМИ. Всего в стране в 1956 году было 164 молодежных периодических издания во главе с «Комсомольской правдой» и «Пионерской правдой». В 1966 г. было учтено статистикой 115 комсомольско-молодёжных газет и 26 пионерских¹⁶. В Ленинграде газета «Смена» выходила 130-тысячным тиражом. С 1962 г. в эфире и по проводам радиосети звучала радиостанция «Юность», на старшекласников был рассчитан еженедельный радиожурнал «Ровесники», а в Ленинграде — и «Невская волна». На телевидении существовала программа «Горизонт». С 1962 г. издавался журнал «Сельская молодежь», напущенный на неё (сельской молодежи) большим другом «академиком» /не к ночи будь помянут!/ Трофимом Денисовичем Лысенко. Характерные заголовки материалов в прессе («Живой Корчагин», «Крылатый богатырь») привлекали внимание молодых читателей и к взрослым газетам, передачам. Значение преемственности, подлинной, эффективной, — было ясно, и затрат на агитационно-пропагандистские издания не жалели.

14-й съезд ВЛКСМ (апрель 1962) выработал конкретные пути решения задач коммунистического строительства. ... 16-й съезд ВЛКСМ (май 1970) подвёл итоги работы комсомола по решению поставленных задач, определил направление дальнейшей деятельности по воспитанию юношей и девушек в духе ленинских заветов ... ..Половину работающих в промышленности и строительстве, около 40% работников сельского хозяйства составляла тогда молодёжь. ВЛКСМ привлекает её к работе по повышению эффективности общественного производства, освоению и внедрению новой техники... При участии молодёжи были построены около 1500 важных объектов, в том числе крупнейшие в мире — Братская ГЭС, Белоярская атомная станция, железная дорога Абакан — Тайшет, нефтепровод «Дружба» и др. В 1970 комсомол шефствовал над 100 ударными стройками, в том числе над освоением уникальных нефтяных и газовых богатств ..., активно участвовал в химизации и мелиорации земель (среди мелиораторов страны в 1970 г. было 100 тыс. юношей и девушек), уделял большое внимание сфере обслуживания (куда в 1969 было направлено 200 тыс. комсомольцев).

Комсомол ежегодно проводил смотры по изысканию и использованию резервов производства: конкурсы рационализаторов и изобретателей; выставки молодых новаторов; состяза-

ния молодых рабочих по профессиям. ...Число участников Всесоюзного смотра технического творчества молодёжи — «Пятилетке — мастерство и поиск молодых» выросло с 2 млн. (1967) до 7 млн. (1970).

В трудовых семестрах (1966-69) принял участие 1 млн. студентов. Они выполнили производственную программу на сумму свыше 1,5 млрд. руб. Возникли новые формы участия молодёжи в управлении производством, в хозяйственном строительстве. Среди них — «Комсомольский прожектор». В 1968 около 4 млн. молодых энтузиастов стали участниками рейда за экономию и бережливость. Труд молодых патриотов высоко отмечен Родиной. 600 тыс. комсомольцев награждены медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

В 1970 в рядах ВЛКСМ свыше 1,8 млн. инженеров и техников, специалистов сельского хозяйства, учёных, работников культуры, здравоохранения, учителей. Комсомол совместно с профсоюзами и учреждениями культуры был организатором коллективов художественной самодеятельности, творческих объединений, клубов по интересам. Десятки млн. юношей и девушек занимались в спортивных клубах и секциях. Проводились семинары молодых писателей, поэтов, драматургов, выставки молодых художников, смотры юношеских фильмов. Молодым присуждались ежегодные премии Ленинского комсомола: за лучшие достижения в области литературы и искусства, науки и техники, за активное участие в научно-техническом прогрессе.

Более 7 млн. юношей и девушек в 1970 г. занималось в системе комсомольского политического просвещения. Комсомол проводил конкурсы студенческих работ по общественным наукам (в 1969-70 гг. в нём приняли участие около 800 тыс. студентов). В 1969-71 г. ВЛКСМ проводил «Всесоюзный ленинский зачёт». Миллионы комсомольцев отчитались перед партией, народом в том, как они участвуют в коммунистическом строительстве, повышают свой общеобразовательный, культурный и технический уровень, какую ведут общественную работу.

Масштабы комсомольского строительства выглядели гигантскими¹⁷. Ещё до вступления РВ в комсомольский возраст в Ленинский коммунистический союз молодёжи было принято и прошло через него 67 млн. человек. И всё же не все... Например, на Украине в 1958 г. комсомольцев среди работавшей молодежи было около 1/3. За пассивность старались не исключать¹⁸.

Типичной для агиток того времени была книга «Поколения ударников» — о социалистическом соревновании на предприятиях Ленинграда с конца 1920-х по 1950-е гг. РВ появляются на её страницах в лице молодых работников завода «Светлана». Они борются за повышение производительности труда, дружат со слушателями Военной академии связи... Студенты ЛЭТИ помогают молодым рабочим в учебе. Связь последних со следующим поколением — в шефстве над воспитанниками детского дома. Светлановки сшили им 30 передников и купили 30 билетов на елку... /Где теперь те светлановки и где те детдомовцы? / «Комсомалки «Светланы» не только хорошо работают, но и сами убирают в цехе... Среди них есть последовательницы В.И.Пагановой... Развивая связи с братскими соцстранами, они пишут письмо чехословацким друзьям /где теперь это письмо и эти друзья ...?/.¹⁹

А вот мнение о молодёжи знатного слесаря-инструментальщика с «Электросилы» Н.Н. Русакова: «*Эти парни и девушки*

¹³ Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ. Л., 1969, с. 428.

¹⁴ Комсомольская жизнь, 1958, № 1, с. 3.

¹⁵ Советская деревня на современном этапе. Воронеж, 1974, с. 207.

¹⁶ Ежегодник БСЭ. М., 1957, с. 14; СССР 1917 — 1967. Энцикл. справочник. М.: Сов. Энциклопедия, 1967, с. 382 — 383.
¹⁷ <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/76359/%D0%92%D1%81%D0%B5%D1%81%D0%BE%D1%8E%D0%B7%D0%BD%D1%8B%D0%B9>

¹⁸ Ежегодник БСЭ. М., 1959, с. 12; Комсомольская жизнь, 1958, № 1, с. 6, 30.

¹⁹ Поколения ударников... Л., 1963, с. 161, 351 - 354.

именно те, которые и дальше с честью понесут наши знамя», — говорил он на XXIII съезде КПСС²⁰. Такие оценки отражали официальную точку зрения на молодёжь. О негативных явлениях говорилось скупо и неконкретно. Конфликт поколений тлел, изредка вырываясь наружу. Вероятно, его можно было смягчить, если утишить «гром победный», мобилизовать на индивидуальную или мелкогрупповую работу с молодёжью все интеллектуальные и духовные силы. Ведь ещё существовал, считает историк, «генетический код» 1920-х гг., и слова «коммуна», оптимизм, вера в достижимость больших целей — были не чужды части молодёжи. Но — только части, т.к. предсказания хрущевской программы партии обещали на деле лишь уравнивательность, пусть на более высоком уровне. Конструктивные для развития социализма попытки научного управления, экономических дискуссий, низового хозрасчета, внедрения общественных начал в управление и организацию всех сфер жизни — не дошли до многих молодых или не успели их увлечь²¹.

Население всегда было многослойно. Когда сын полковника, писатель — ровесник Войны — вспоминает, что с 9-го класса в 1957 г. он ушел «в народ»,²² я его понимаю, ибо сам в 1959 г. сделал то же. Такой шаг не мог сделать парень из рабочей, крестьянской семьи, и без того бывший «в народе». Для нас же, выходцев «из служащих», а иногда и из бывших «благородных», это был не только социальный шаг, но и политический, ибо противоречия между слоями просвечивали сквозь покровы благостных утверждений о социально-классовом союзе. Политический же, еще более острый, характер имели столкновения прозревавших РВ с представителями поколения Отцов — палачами или «стукачами». Мы, с презрением к недавнему **не нашему** прошлому, захлёб по пьяному и по трезвому делу читали из Горбовского:

*То заплачет он,
то задрывает
отслужившей ножкой дрожа...
А когда-то ведь некоего Рыкова
он расстреливал не спеша...
И поглаживал,
все поглаживал
вороненый жадный наган...
Похороненный парень заживо,
перевыполнивший свой план...*

Сильные слова по этому поводу вложил в уста своего юного честного героя Ан. Рыбаков. Парень рассуждал о позиции сына предателя:

*Сын не может предать отца. Если мы не будем верить в своих отцов, то мы ничего не стоим! СЫН НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СУДЬЕЙ ОТЦА. ОН МОЖЕТ ТОЛЬКО РАЗДЕЛИТЬ ЕГО ПОЗОР*²³. Перефразируя: сын за отца отвечает, морально. Связь нерасторжима! Не потому ли повести Рыбакова о Кроше переиздавали, награждали, инсценировали, экранизировали. Что вопрос существовал все 1960-е годы, видно и из письма в молодёжный журнал секретаря одного из целинных РК комсомола: Нам не стыдно за отцов, и нашим детям будет не стыдно за нас²⁴.

Вот оценка сотрудниками радио «Свобода» политического образа наших Отцов:

Они часто были бывшими фронтовиками. Партия не дала им превратиться в потерянное поколение, «потеряться». Их сделали нравственным эталоном. Но если в начале 1960-

*х им приходилось воевать и с культом личности, и с мещанством, и с бюрократизмом, и с трусостью, то в конце — только с новыми врагами народа — с диссидентами, ровесниками или юнцами*²⁵.

Верили они в Программу КПСС 1961 г.? Вопрос непродуктивен.

Не раз я слышал от людей поколения Родителей РВ, что они получили заряд бодрости в конце 1920-х и особенно в 1930-е годы, ибо страна была на подъёме. Но ведь общеизвестно, какие «заряды» с противоположными знаками получили наши Родители — в 1930-е, затем в 1941—1945 гг., а кому не хватало, то и в начале 1950-х?! Никто из друзей и близких приятелей моего отца не верил в осуществимость Программы КПСС, считая её очередной блажью Никиты. Половина из них прошла фронт, некоторые — ссылку; среди них был особист, разжалованный якобы за невыполнение приказа о расстрелах пережившего эшелона победителей; были: два поэта, средний начальник из ГлавПУ (Архитектурно-планировочного управления), учитель литературы, филологи, геологи, полковник-связист и т.д. Не было только дураков. Впрочем, один веривший слепо был, искренний член КПСС, ботаник по профессии, человек не от мира сего. А в целом это было завидное духовное братство, и радость доверия. Наверняка, в официальной обстановке многие из них, прежде всего — члены партии, говорили требуемые слова. Но — не доходя до публичных указываний на новых врагов, как это делали на пленумах партийных комитетов такие «интеллигенты», как И.В. Абашидзе, Ф. Эрмлер, П. Бровка и сотни других²⁶.

В этом смысле рабочая среда была явно чище. О сельской не скажу, не знаю. Судя по литературе, там было много что делить, чему завидовать, и доносы, вероятно, на этой почве процветали...

Впрочем, можно представить себе и бескорыстных доносителей, болевших душой за дела и идеи социалистического развития. Одной из их забот было воспитание подрастающего поколения. Вспоминается трагичное название стихотворения М. Алигер «По кам звонит калошал». Но, в отличие от американского романа, после перечисления потерь ее поколения, наша поэтесса сворачивает на утешение, ибо *из добрых корней растет новая поросль*²⁷. Мы же в 18-20 лет алигеров не читали, оставив их с поэмой «Зоя» в пионерском детстве.

В рассматриваемое же 10-летие некоторых из нас интересовала жизнь отнюдь не тов. Калинина, Дзержинского, Либкнехта, а совсем других замечательных людей. Подчеркну огромное идеологическое значение для молодых, интересовавшихся историей, — публикации, пусть с поносными редакционными дополнениями, мемуаров великих государственных людей — Витте, Валуева, Де Голя, Черчилля и военачальников масштабом ниже — гитлеровских, американских, а там — и советских. История получала «человеческое измерение». Но не современная. Воспоминания советских вождей и их детей (Н.С. Хрущёва, С.И. Аллилуевой) ещё не публиковались у нас и по иностранному радио не звучали.

...А чего стоили физиономии руководителей партии и правительства, выставляемые на больших парадных портретах перед революционными праздниками! Лица, заплывшие жиром и не отмеченные печатью благородства и ума. Какого поколения были эти люди? Их можно причислить к поколениям первых, средних и даже поздних детей того поколения, к коему

²⁰ Правда, 1966, 1 апреля.

²¹ Зубкова Е.Ю. От 60-х к 70-м..., с. 326 - 328.

²² Житинский А. Указ. соч., с. 80.

²³ Рыбаков Ан. Указ. соч., с. 349.

²⁴ Сельская молодёжь, 1969, № 12, с. 1.

²⁵ Вайль П., Генис А. 60-е: мир советского человека. М., 1998, с. 92 - 95.

²⁶ См., например, Правда, 1963, 5 и 7 июля.

²⁷ См. Известия, 1963, 7 июля.

принадлежали Николай 2-й и В.И. Ленин. Ибо Хрущев был 1894 г.р., Брежнев — 1906-го, Андропов — 1915-го. То есть, можно считать, что высшие правители КПСС могли приходиться нам в 1960-е годы скорее молодыми дедами, чем пожилыми отцами. И проблема «отцов и детей» некоторым из них, если вспомнить Галину Брежневу, им была не чужда, — чаще, вероятно, в нравственном плане, т.к. карьеры «детям» обеспечить было несложно. Так было на самом «верху».

А «внизу», чаще всего БЕЗ ВСЯКОГО КОНФЛИКТА ПОКОЛЕНИЙ, или — без осознания такового — в семьях решалось большинство житейских вопросов, ибо, во-первых, продолжали существовать во многих семьях: здоровый смысл, любовь или привязанность, представления о добре и зле, однородная среда социальная, в которой жили люди разных поколений. Ещё более прочными скрепами были традиция и инерция. О политических обручах, набитых на семьи членов партии-номенклатурщиков, не говорю. Разводов они избегали ради карьеры. Но в 1960-е для молодых РВ это было не столь актуально.

Вот мать в рассказе С. Воронина женит сына, стоит во Дворце бракосочетания в перешитом из чужого платье, в самых дешёвых, за 6 рублей, туфлях на микропоре, любит сына в новом костюме. Тот уже работает, продолжает учиться. По возрасту он — РВ. Мать рада за него и спокойна. **Самое тяжёлое для него осталось в ДЕТСТВЕ!** После войны жили в тесной комнате в пятером. Он делал уроки в гаме, малыши-братья плакали, на полу валялся пьяный отец... Тот пил от обиды, что при демобилизации не хватило выслуги для получения, как другим, большого выходного пособия, гектара земли. Мать тянула на себе весь дом... И вот сын вырос, выстоял, только уж очень раздражительный²⁸. В рассказе нет слов о конфликте поколений, хотя, сын, повзрослев, уж наверно, вразумлял пьющего родителя, жался мать.

Пишущие люди радовались случаю тогда описать большую, дружную семью, особенно сельскую, где, скажем, и отец еще работает, и из 6-ти братьев — 4 тракториста²⁹. Тут другой получился конфликт — между благополучным журналистским семейным портретом и — писаниями прозаиков — плакальщиков о безлюдной спивающейся деревне.

Многословный А. Ананьев не был в первом ряду деревенщиков, но и у него есть описание сокрушения родительского о деревенских девах, явившихся в большие города, увлекшихся городской изысканной жизнью, и в замужестве строящих себе такую ж. Старшие не научили-де их распознавать истинные ценности³⁰. Поэтому впереди — жизнь по схеме, без наслаждения от труда и открытий.

Названное столкновение общественного и личного идеалов — частный случай. Официальная идеологическая линия не исключала благоденствия отдельных людей, но подчеркивала сопряженность его с богатством всего общества. Рекомендованный, полезный для общества путь к таковому благоденствию-де — не переезд из села в город, не частное наследование или брак с преуспевшим партнёром, но — личный трудовой вклад в общественное богатство. Обеспечить же присвоение только по труду власть не могла, — например, отменить наследование, которое отчасти тоже стимулировало труд старших. Впрочем, здесь речь идёт не о материальных наследствах. Не знаю, как насчёт передачи правоверности по отношению к коммунистическому идеалу, а вот что скепсис и даже презрение по отношению к нашему социализму передавались, — это видел и помню очень явственно.

После и в результате свержения Хрущева «отцы» победили «детей». Конкретнее, — та консервативная часть поколений

1900-х--1920-х гг. рождения, коя держала и удержала власть на разных уровнях, победила активную, склонную к продолжению реформ, часть своих ровесников и — более молодых поколений. Последние не могли или не хотели организоваться. Низовая же разновозрастная масса знала свое место — под схваткой. Когда я читаю вопрос публициста:

— *Могла ли перестройка образца конца 1980-х состояться на 20 лет раньше?*,

то понимаю, что в 1960-е годы не нам, 20-летним РВ, было этот вопрос решать, это во-первых. Во-вторых, публицист прав, предполагая, что в период «оттепели» ожесточенность общественного конфликта была бы большей³¹. История учит, что крупные общественные перемены невозможны — при прочих равных, при всей их назрелости — без данной или завоёванной возможности **организации** сторонников перемен. А этого в дни нашей молодости не было. В Перестройку же — было разрешено и осуществлено.

Переходя от рассуждений к лицам, встречаем РВ, журналиста, вспоминающего в 1980-е, как они с **Отцом** в 1960-е годы: *«ездили уполномоченными по кукурузе по колхозам. Я помолоде, меня послали подальше, километров за 60, отца поближе, за 40. ...Нельзя было возвращаться, пока она, — королева /полей/ — не вырастет на 15 сантиметров...»* Ради чего герои повести В. Крупина занимались этим «дохлым» делом? Ради того, чтоб остаться: одному — журналистом, другому — лесничим, в райноменклатуре. Оба понимали бессмысленность своего уполномочения. То есть, жизнь сплошь и рядом ставила представителей разных поколений в одну и ту же страдательную позицию.

Ещё одна «переключка поколений» — признание В. Крупина (одного из видных ныне идеологов народности и православия) в участии его в детстве в разрушении церковной ограды — на металлолом. Отцы в комсомоле рушили церкви на рубеже 1920-1930-х, дети — доламывали через 25-30 лет. Слава Богу, не длится теперь эта варварская связь! Да и не молодежь была виновата в святотатствах, а примкнувшая к новым властителям часть «отцов» — организаторов бесчинств.

Фигурирует на страницах повестей В. Крупина, предперестроечных, и один из представителей следующего после РВ поколения. Это некий сын Художника, возмнивший себя литератором и готовый ради публикации показать неприглядные стороны образа отца. То есть, человек не очень хороший. И это накладывает отпечаток на отношение автора к нему, да и на наше, читателей, также. Не хотелось бы с этой стороны получать поддержку, но сей последователь Хама подтверждает мою умозрительную оценку РВ как промежуточного поколения:

— «...Миссия отца была в подготовке следующего поколения... Идёт каждый раз новая волна, и наша волна всё-таки выше. Ведь есть же прогресс. Вы, папино поколение, относитесь к вашему предшествующему, фронтовому /поколению/ с огромным уважением... И это правильно — военное поколение нас спасло. ...И вы не смеете видеть в нем недостатки. И их повторяете, даже усиливаете. А мы в вас их видим... Чтоб не повторять их! Потому что за нами ответственность за будущее искусства!...», — петушился еще не состоявшийся, возросший на богатых отцовских хлебах, нарциссик³². Но в момент произнесения тирады доля правды в ней была. Последовавшие 10-летия, и только они, могли научить юнца более уважительно оценивать трагедию РВ, в частности — его отца, спивавшегося в перерывах между напряжённой работой талантливого художника.

²⁸ Воронин С. 100 рассказов. Л., 1991, с. 160.

²⁹ См. Сельская молодежь, 1962, № 7, с. 12.

³⁰ Ананьев Ан. Скрижали и колокола // Октябрь, 1989, № 1, с. 36.

³¹ Каграманов Ю. На стыке времён // Новый мир, 1994, № 5, с. 163.

³² Крупин В. Во всю Ивановскую. М., 1985, с. 423, 438.

К чему же мы пришли в этом подразделе статьи?

— Старшие и младшие всегда склонны критично оценивать друг друга. На эту естественную критичность наложился переломный характер «оттепели», когда «дети» осуждали «отцов» за то, что те допустили культ с его злодеяниями, а «отцы» сетовали на чуждость и излишнюю свободу рассуждений «детей».

Суть же раздела, его «научную новизну», вижу в двух тезисах:

1) Конфликт поколений в конце 1950-х — 1960-е гг. был «СЕМЕЙНЫМ». Нашим сиволопам, и даже университетским, поклонникам Элвиса Пресли некуда было деваться от того, что выкормили их люди лишь ПЕРВОГО чисто советского поколения, выжившего лишь отчасти, загомонившего лишь однажды, сразу после Войны, и сразу оглоушенного дубиной идеологических постановлений 1946-го и последующих годов. С «детьми» случилось то же, но шло это дольше, и дубина была потоньше, и повод — иной, ибо раскачивать лодку стал было сам кормчий на XX партсъезде.

2) Политический характер параграфа да не заслонит наложение политического перелома на демографический, расселенческий. И малодетность, и поток миграции в города делали свое дело. Выходя за российские территориальные рамки, напомним о конфликте поколений в «цивилизованном мире» В ЭТО ЖЕ ВРЕМЯ! Почему совпало?

«Их» молодежь, ухודившая под мосты из благополучных семей, влияла на нас? Вроде бы, нет. А мы на нее? Тем более, нет. Возможно, это была свойственная молодежи вообще реакция на наступление долгого мирного и сытного времени, когда благодаря труду Родителей, общество, и «Детки» могут себе позволить чуть расслабиться, не бороться за выживание, а — поиграть в новые игрушки. Дети — в непонятность, в пренебрежение к «грошовому» уюту, в дзэн-буддизм, в инициацию через пьянство или хиппование. Разлагало, возможно, и висение мира на волоске ядерного сдерживания («Один раз живем», «А смерть придет — помирать будем!»...). Воспитательная работа, труднейшая из работ в любом нерепрессивном обществе, давала плоды только по достижении инфантильными РВ следующего возрастного, социального рубежа — создания собственной семьи, превращения самих РВ в воспитателей следующего поколения.

РВ в центре внимания воспитательной работы в 1960-е гг.

По мере ослабления репрессивного или просто жёсткого трудового законодательства приходилось искать новые формы трудового воспитания. Осуждали заходы молодых рабочих в кампании со «старшими товарищами» в шалман, столовку, а то и просто обмывание полочки на диком кое-где тогда берегу Невы (в т.н. «ресторане Бревно») или в парке Лесотехнической академии, где стаканы висели на ветках, а зельцы раскладывали на газетке. И мы, молодые, лихо принимали там — по стакану, и — по второму, нецелому. Потом — кто домой, а кто заведётся — шёл добавлять, и так — до упаду. Пьяные приключения были одной из любимых тем разговоров назавтра. Служащие, ИТР, «подавали» тоже, но — отдельно.

Работа же была общим делом. Но очень разным по содержанию, по требуемой квалификации. Одни рабочие, металлисты, «ловили» микроны чистовой обработки, другие махали ломом и кувалдой. Последних было в 1960-е гг. больше. Между первыми и вторыми находился огромный и очень важный

слой работников на неавтоматических станках. Их работа была не только тяжёлой, но и грязной. Комбинезон спереди лоснился от следов смазки. В цехах деревообрабатывающих комбинатов древесная пыль забивала лёгкие. Ткачихи глохли от шума челночных станков...

И в среднем престиж рабочих профессий был невелик. Пытаясь преодолеть это, идеологи придумывали посвящение в рабочие, трудовую присягу в цехе. Общественные организации предприятий, администрация знали, что за подростков, за их труд и досуг могут строго спросить. Военкоматы и ДОСААФ работали с призывниками, сотни тысяч подростков и юношей прошло через военно-спортивные и трудовые лагеря. По линии Ленинградской областной комсомольской организации старшекласники отработали на стройках 1 млн. часов³³. Можно высокомерно отвернуться от всего этого только потому, что всему придавалась политическая подоплёка. Но ведь Родину надо было учиться защищать, какая бы она ни была. Увидеть, может быть, раз в жизни, степи Казахстана не из окна туристского автобуса, а вокруг возводимой фермы; понять — кто есть кто в группе благодаря поездке на картошку. Умыться там из кружки ледяной водой, увидеть жизнь ДЕРЕВНИ, имя которой — Россия. Статьи или нет можно вспомнить и о западном опыте, начиная с пресловутых отправок немецких юношей «в люди», в обучение ремеслу вне семьи, и заканчивая развёрнутым с 1961 г. американским Корпусом мира, призванным украсить звериную морду империализма США.

В 1960-е гг. заканчивалась в основном социализация РВ. Если действительность оказывалась грубой, примитивной, нетрезвой, с эпизодами воровства, то тем более готовила юнцов к жизни не в придуманном, а в реальном обществе. А «политику» можно было пропускать мимо ушей.

А можно было попытаться и принять всерьёз. Как, видимо, пытались молодые рабочие Уралвагонзавода в 1966 г., участвуя в опросе о качестве собраний, митингов в коллективе. Дельно отвечали: *нравятся партсобрания, где все — на равных; хорошо, когда выступления — умные, информативные. Не нравятся нотации старших. Опрошенные рекомендовали обсуждать на собраниях технические, идеологические вопросы, эстетику производства и быта* (новшество именно 1960-х, с их новым, лёгким, конструктивным дизайном), *вести дело проще, готовить выступления рядовых комсомольцев*.³⁴ В конечном счете, — стремились к повышению политической культуры. Ведь образованность росла.

Пусть в однобоком изложении, но с 1960 г. в школах ввели «Основы политических знаний», вскоре заменив его «Общественно-ведением», — в старших классах. А в системе ПТО?

С конца 1950-х гг. эта система переживала реорганизацию. В справке по 64 учебным заведениям Ленинграда, где свыше 22 тыс. ребят готовили по 86 специальностям, были те же формы трудового воспитания, что и в реформируемой школе: внедряли самообслуживание; 210 тыс. часов было отработано на сельскохозяйственных и на стройке, т.е. часов по 10 на человека), но гораздо больше учащихся, чем из школ, отчислялось за грубые нарушения дисциплины.

Рангом выше средних ПТУ шли технические училища (ТУ), где учились после 10-летки. Их было 20 с 7,9 тыс. учащихся, половина из коих — комсомольцы, с удельным весом от общей численности от 19 до 71 % по разным училищам. В последних не реформированных еще Ремесленных училищах тот же показатель равнялся одной трети, а в Строительных училищах — 50%.³⁵ Разница между РУ и СУ, видимо, была из-за того, что в последних учились сплошь сельские ребята, не рассуждавшие: вступать или не вступать в комсомол.

³³ Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ, с. 14, 414, 437, 478.

³⁴ Енин И.А. О некоторых факторах формирования индивидуального сознания молодых рабочих // Молодой рабочий... Нижний Тагил, 1966, с. 37-40.

³⁵ ЦГА СПб, ф. 5016, оп. 4, ед. хр. 192, лл. 1 - 4.

С такой «союзностью» они приходили в ряды рабочего класса. Там комсомол опять призывал:

— *Учитесь!*

VI Пленум ЦК ВЛКСМ в 1959 г. объявил Поход за повышение образовательного уровня молодежи, и за 7-летку число учившихся в школах для взрослых выросло в 2,5 раза. «Комсомольская жизнь» правильно ставила вопрос об организации сменных школ для работающей по сменам молодежи³⁶. И это было сделано без промедления. Один и тот же урок учитель давал дважды — днём и вечером. В Ленинграде без отрыва от работы училась 1/3 молодежи. Но так было не везде. В 1963–1965 гг. вопросы учебы молодых рабочих составляли менее 5% на бюро райкомов комсомола в Нижнем Тагиле, хотя большая часть молодых не имела здесь 8-летнего, а около 3-х тыс. человек имели начальное образование. Они записывались в школы рабочей молодёжи /ШРМ/, чтобы комсорг отвязался, а потом не ходили в школу. И обществовед порицал местных комсомольских работников за снижение количества политкружков, за то, что рабочие составляли среди принятых в комсомол лишь 18%.³⁷ Наверно, это было естественно для рабочего города, где немногие вступали в ВЛКСМ ради карьеры.

Но в общем нельзя пройти мимо роли 19-миллионной в начале 1960-х гг. комсомола, с его 47-ю ударными стройками, полумиллионным отрядом молодых сельчан, возделывавших кукурузу на 12,5 млн. га и т.д.

Значительно меньшей была роль, которую непосредственно играла в жизни ровесников Войны КПСС, — как организация, в которую по возрасту ещё не вступали многие, да и более требовательная к готовности выполнять ее поручения. Если число РВ-комсомольцев измерялось миллионами, то в КПСС в начале 1966 г. было людей в возрасте до 25 лет 6,2%, т.е. немногим больше 700 тысяч³⁸. Многие из них вступали в армии, где это дело было поставлено хорошо. Часто молодым коммунистам поручали работу в комсомоле. Партия росла быстро, чтоб охватить своим влиянием все поры общества, не говоря уж о ключевых участках. Но это же вело к быстрому пополнению ее людьми новых поколений, шедших после фронтовиков, т.е. «60-никами» и РВ. И партия в начале 1960-х гг. состояла на 41% из рабочих, на 36% — из служащих, на 23% — из колхозников и на 1% — из учащихся. Но среди РВ коммунистов — учащихся было явно больше, чем 1%. Вот данные о возрастном составе принятых в одной из областных организаций КПСС: условных, 23-летних в 1966 г., РВ было среди принятых в этом году 13,2%, таковых же, 28-летних в среднем в 1971 г. — 26,9%, 35-летних в среднем в 1978 г. — 12,4%. То есть, в этом плане 1970-е гг. резко отличаются от 1960-х. Удельный вес 21–25-летних среди принятых увеличивается раза в 3(!) — всего за 3–4 года на рубеже этих 10-летий и не опускается в 1970-е ниже 43%. Возможно, было указание ЦК втягивать в партию с начала 1970-х молодых людей, не дожидаясь выхода из комсомольского возраста. А может быть, и молодёжь поумнела, больше стала заботиться о карьере. Факт тот, что РВ в данной области, да и, возможно, не только в ней, вступали в КПСС в возрасте от 20 до 30 лет. Около 300 человек из когорты РВ на рубеже 1950/60-х гг. так стремились в партию (или замполиты в/ч их поторавливали), что вступили, не достигнув 20 лет, составляя 3% приёма³⁹.

О членстве РВ в профессиональных союзах. Вступали почти автоматически, при приёме на работу в госсекторе, ради соцстраховских льгот. Дружно голосовали за удобных началь-

ству профсоюзных «лидеров», а те сидели тихо, не защищая рьяно интересы работников, разве что в вопиющих случаях выступая против администратора. Считалось, что они организуют соцсоревнование.

Немного можно сказать и об «участии РВ в управлении государством». Если молодой человек, входя в возраст избираемого и избирателя, и имел иллюзии относительно возможности голосованием или работой при Советах депутатов трудящихся что-то существенно изменить вокруг, то — ненадолго. На выборы шли, жалея агитаторов, коих посылали с избирательных участков по домам. Реально кандидата «прокатить на вороньих» могли избиратели только в сельской местности, выбирая в сельский, в районный Совет того, **кого они знали**. О том, чтобы на более высоком уровне всегда проходили кандидаты с именем и номенклатурной должностью, заботилась избирательная комиссия или специально присланные люди.

Об удельном весе РВ и их сверстников в Советах можно судить по тому, что комсомольцы-депутаты (343 тыс. в 1958 г.) составляли, вероятно, от 1/5 до 1/6 депутатов. В местах компактного проживания молодежи — естественно, больше. Вот как росло в РСФСР во второй половине 1960-х гг. число депутатов в возрасте до 30 лет: в райсоветах — с 17,2 тыс. до 31,1 тыс., в сельских и поселковых — со 133,3 тыс. до 182 тыс. Удельный вес комсомольцев среди молодых депутатов увеличился примерно с 16% до 25%, а среди всех депутатов — с 4,5% до 15%.⁴⁰ Комментируя эти числа, наши историки и государственеды не заводили речь о **защите молодыми депутатами интересов избирателей молодых**. Ограничивались тем, что молодые депутаты проходят школу управления, социально и политически «созревают».

РВ политически осознали себя в те годы, когда законодательство смягчалось — и трудовое, и уголовное —, когда устранялись некоторые из элементов социального неравенства, особенно между рядовыми колхозниками и работниками госсектора, между жителями города и деревни.

В послесоветское время приоткрылось и участие молодых в политическом инакомыслии, в неофициальных политических организациях, в прямом сопротивлении властям. РВ не могли играть первые роли в диссидентстве, они шли за «60-никами» и более старшими участниками движений. Но студенчество часто упоминалось как источник политически ненадежно-го элемента, прежде всего, конечно, в больших городах.

Но отойдем на минуту от описания брожения умов интеллигенции городской и примкнувших к ней отдельных сверхсоветливых, взыскательных к режиму рабочих. Оглянемся на деревню, благо есть впечатления о белорусской деревне туриста-эмигранта. Автор заметок⁴¹, — Д. Горбачевич, 1895 г.р., — покинул родину в 1913-м году, приезжал как турист в Белоруссию в 1934, 1960 и 1966 гг. Из его политических впечатлений: *«Разговаривали со мной — с опаской. Читает мало, газетам не верят. Старики не любят стиляж, а еще больше — контрторских «дам» — дармоедок. Но благодаря моему портфелю, говорили со мной на «Вы». Жалуют о старом времени, — воров и пьяниц наплодила-де Советская система. И правда, есть стившаяся, бездельничающая зимой молодежь.»* *«После 5-го стакана самогона — пишет Горбачевич, — люди утрачивали контроль над собой.»* /Гут Горбачевич правдив в деталях. По своему опыту середины 1960-х гг. помню, что четвертый 150-граммовый стакан валит с ног — Ч.С.). *«...30% пили мало, 20% — ничего. Пели.»* **«Не бедная, но скотски послушная жизнь.»** (!)

³⁶ Комсомольская жизнь, 1958, № 8, с. 18; Липилин Ю.А. Комсомол и рабочая молодёжь в 1959 — 1965 гг. // Рабочий класс СССР на современном этапе. Вып. 2. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973, с. 77.

³⁷ Енин И.А. Указ. соч., с. 49.

³⁸ СССР. Энцикл. справочник... М., 1967, с. 189.

³⁹ Вологодская областная организация КПСС в цифрах. Архангельск, 1981, с. 94.

⁴⁰ Советская деревня на современном этапе, с. 215.

⁴¹ Горбачевич Д. Два месяца в гостях у колхозников. Н.-Й, 1967, с. 10 — 58.

Нищета — только у многодетных. Из этих семей редко кто получает среднее образование, тем более, если мать — вдова фронтовика, а потом еще прижила детей».

Прочти я эту книжку в 1967 г., посмеялся бы над выводом автора: «Коммунистов прогонят, рано или поздно...» Теперь, задним числом, вижу, что 71-летний блудный сын, захвативший с чужбины, сумел многое увидеть и понять. Его взгляд со стороны лишь подтверждал наблюдения десятков наших литераторов-деревенщиков о раскрестьянивании, о превращении сельского труженика в наемника-«временщика», о равнодушном повальном пьянстве и т.д.

Вернёмся в город. Молодежь (условно — люди в возрасте до 30 лет) постоянно фигурировала в числе протестовавших в 1960-е гг. В частности, около 20 молодых человек, большей частью студентов, задержано было из 200 демонстрантов, требовавших гласного суда над Синявским и Даниэлем. Они и еще около 40 замеченных на площади были исключены из вузов⁴². 26 августа 1968 г. РВ Анатолий Марченко направил в газеты протест против вторжения войск ОВД в Чехословакию и был арестован. По данным КГБ, после 1967 г. в стране появлялись сотни нелегальных организаций с тысячами членов, но небольших, существовавших недолго⁴³. Видимо, немногие их участники сделали борьбу делом всей жизни. Среди них есть имена РВ и близких им по возрасту Юрия Галанскова, Мустафы Джемилева и Вадима Делоне.

Ю.Т.Галансков, 1939 г.р., из московских рабочих, работал и начал учиться на истфаке МГУ, но был исключен за независимость суждений. Читал свою поэму «Человеческий манифест» у памятника Маяковскому. В 1961 г. участвовал в создании одного из первых самиздатовских сборников — «Феникса», в митингах, в составлении других сборников. В 1966 г. вступил в НТС. В январе 1967 г. его арестовали и осудили на 7 лет лагерей. Умер Галансков в результате хирургической операции в лагере 4 ноября 1972 г., 33-х лет от роду. В 1991 г. прах его перевезён и захоронен в Москве, в 1992 г. открыта мемориальная доска в фойе Историко-архивного института, где он начинал учиться⁴⁴.

РВ (1943 г.р.) Джемилев Мустафа основал вместе с товарищами по убеждениям в конце 1960-х гг. Инициативную группу по защите гражданских прав в СССР, боролся за возвращение крымских татар на родную землю. В ссылке и в заключении провёл около 15 лет. В 1990-е — 2000-е годы был официальным лидером крымских татар турецкой ориентации и депутатом Верховной Рады Украины.

Вадим Делоне (1947—1983), из семьи потомственной многопоколенной научной интеллигенции, был арестован в 1966 г., посажен в психбольницу за публичное чтение стихов. В январе 1967 г. арестован за участие в демонстрации в защиту Ю.Галанскова. Осуждён на 3 года лагерей за участие в демонстрации против вступления войск ОВД в Чехословакию. Эмигрировал. По словам В.Буковского, не выжил в эмиграции, скончался в 35 лет⁴⁵.

Если б расстановка сил была похожей на изображаемую в 1960-е гг. советскими СМИ, то дело правозащитников не имело перспектив: с одной стороны, — морально-политическое единство подавляющего большинства советского народа, с другой — жалкая кучка буржуазных подголосков, нигилистов — продавшихся или простаков, а то и просто одержимых бредовыми идеями.

Совсем иначе всё это представлялось, «глядя из Лондона» или других западных столиц: подвижники, борцы за свободу, в том числе РВ, кладут жизнь и свободу личную ради освобождения народа от тоталитаризма. Советская же пресса видит ис-

ключительно тех, кто заботится в совхозе о сохранении 11 тыс. утят, формирует в торговле комсомольско-молодежные магазины и отделы. Это они демонстрируют в Ленинграде 28 октября 1958 г. стотысячной массой на Дворцовой, а через 10 лет — вокруг памятника на Комсомольской площади под 50-залповый салют.⁴⁶ Отщепенцы же в том году выходят протестовать против вторжения в Чехословакию.

Самый загадочный и поэтичный термин у исследователей политических явлений и процессов — «волнения». Была ли замешана политика в стремление части молодых одеваться, ходить, и даже говорить не так, как серая масса граждан. Да, несомненно. И сюжет о «стилягах» — переходный отсек между данным текстом о политике и будущим — о культуре Ровесников Войны в 1960-е гг.

Вот несколько штрихов, характеризующих это явление в провинции (цитирую курсивом, комментирую обычным шрифтом).

...Облик стиляга менялся: от карикатурно разодетых в ...мешковатую одежду немислимых расцветок во второй половине 1940-х годов — через брюки-дудочки 1950-х годов — до элегантности «штатников» (одетых в фирменные американские вещи) и отказа от яркого эпатажа в годы ... «оттепели»... Не вполне согласен с таким обобщением изменений. Эпатирующую одежду, причёски можно было встретить в Ленинграде и в конце 1950-х, и в начале 1960-х гг.

На сибирской периферии ...слой «золотой молодёжи» и фарцовщиков не сложился, мода ...доходила с опозданием... Уроженец 1946 г. /Александр Матвеевич/ из Красноярска: «Стиляги — это в основном студенты, ... из состоятельных семей.» Одежда добывалась у тех, кто бывал за границей; частично — в портах (Игарке, куда выезжали на работу студенческие отряды. Они привозили сигареты, цветные рубашки, клетчатые пиджаки.) Но это была «элита» движения. Остальные обходились ширпотребом и барахолкой.

Но фирменная одежда не была достаточно вызывающей. Поэтому обращались к частным портным и обувщикам. А их деятельность приравнивалась к спекуляции и грозила лишением свободы от 5 до 10 лет (107 ст. УК РСФСР, на 1 марта 1957) Но занятие было очень выгодным. /Вспомним «Эдичку» Сovenko — частного портного в те годы/.

Уроженка 1947 г. Т.В. из Сталинска Кемеровской обл.: От маминной нелюбви и устарелости убежала в Москву в 10-й класс. Из 17 см голяшек сапог сделала мини-юбку. — Ни присесть ни в автобус не зайти. Зато есть что вспомнить. Лифчики тогда перестали носить.

Выделялись стильяги и причёсками: длинные волосы «под Тарзана», набриллиненный кок, иногда закреплённый сиропом. Отпускали или приклеивали усы-«мерзавчики». Для женщин стильной была «бабетта» как у Бриджит Бардо... А также начёсы, короткие стрижки и с чёлкой под французенок, «венчики мира». В Сибири ограничивались тращиванием волос и начёсом чубов. Из стрижек чаще всего была «канадка».

Джаз, с его импровизацией, становился чертой «антиидеологши». Распространялись подпольные записи музыки «на косяках» — на рентгеновских плёнках. Потом появились катушечные магнитофоны. Слушали и зарубежные радиопрограммы. Наиболее популярными были танцы: буги-вуги, рок-н-ролл, позже — твист, чарльстон. В провинции правильных движений не знали, плясали кто во что горазд. Уроженка 1941 г. из Красноярска Т.В. 1941: мы танцевали по-простому, скромно. Более старший, 1935 г.р. А.М. из Красноярска: «Мы их /стиляг/ воспитывали, даже били на танцах».

⁴² Безбородов А.Б. и др. Материалы по истории диссидентства и правозащитного движения в СССР. Учебн. пособие. М., 1994, с.22

⁴³ Савельев А.В. Политическое своеобразие диссидентского движения в СССР 1950-х — 1970-х гг. // Вопросы истории, 1998, № 4, с. 112.

⁴⁴ Юрий Галансков. Ростов-на-Дону, 1994, с. 6 — 7, 204 — 205.

⁴⁵ Делоне В. Портреты в колочей раме. Л., 1984, с. 10 — 17.

⁴⁶ См. Сельская молодёжь, 1962, № 12, с. 1 -2; Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ, с. 396, 439, 488.

Среди особенностей поведения наблюдалась «вальжность», челночное планирование по «Броду», мурыканье модных мелодий, особая интонация в произношении («в нос»), особый взгляд. Особую походку упоминают.

Уроженцы 1939 г., из Красноярска упоминают пренебрежение к обыкновенным окружающим, самолюбование; развязное поведение.

«У них были пальта, шляпы, /но/ я им не завидовал, ... был рад за людей, которые добивались чего-то в этой жизни...»

Стиляги считают предвестниками сексуальной революции у нас. Но это — скорее в глазах окружающих, воспитанных пуритански. Им и объятия на улице казались аморальными.

Итог от уроженца 1941 г. И.Н. из Братска — Свердловска.: «в то время ...причислял себя к стильягам. С 1957 года одевался ...по последнему слову молодёжной моды. В ателье ...шили брюки узкие с отворотами в 6 см, рубашки и пиджаки ...из ГДР, туфли чехословацкие, ...из Италии.... Бывало ... в тумбочке искал завалившийся сухарь. А /ведь/ приходилось ...идти в ленинградской «Астории»... и в московской ...»Праге»...⁴⁷

Заканчивая очерк общественно — политической жизни РВ в 1960-е годы, видим, что это было, конечно, совсем иное время, иные условия политического «доформирования» по сравнению со временем молодости их Родителей. Для последних вступление из юности в молодость совпадало с поворотом от НЭПа к форсированному строительству социализма и — с волнами насилия над народом, в том числе — молодым, над «ненадёжной» его частью. Различались, но меньше, и условия завершения политической социализации у РВ по сравнению с предшествующей возрастной когортой. «60-ники» политически прозревали, будучи в массе почти зрелыми людьми в середине — второй половине 1950-х гг. Ломка сознания для многих из них была по-взрослому драматичной.

Ровесники же Войны в возрасте 15-19 лет в немалой степени были захвачены «оттепелью», ВЕСЕЛЫМ ВОЛЬНЫМ ветром перемен, очередной волной революционной романтики. Кому из них повезло, те оказались в крепких рабочих коллективах, нейтрализовавших здоровым скептицизмом излишние политические восторги. РВ были — в смысле личной безопасности — в лучшем положении по сравнению с их старшими братьями и сестрами. В РВ не успела так укорениться вера в вождей, поэтому и разочарование в ценностях, навязанных культом, бывало даже по-детски веселым. Но им выпало на долю переживать охлаждение веры на протяжении десятилетий(!): в Сталина, в «оттепель», в поворот от субъективизма и волюнтаризма, и, наконец, — в развитой, зрелый социализм. Многовато разочарований для одного поколения... Тем более, что наследники Сталина не дремали, особенно вдали от столицы СССР. (В 1966 — 1967 г.г. в Ташкенте, на восстановлении после землетрясения, мы работали недалеко от стройплощадки грузин. Неприятно поразили портреты Сталина на ветровом стекле каждого их грузовика. А то, что они не привезли своих рабочих, и нанимали на месте, в том числе и из нашего городка, не удивляло. Денег тогда в Грузии хватало).

Память о личных потерях семьи от репрессий для кого-то заслонена ещё большими потерями от Войны, для других — не остывает как «пепел Клааса» и стучит в сердце. Думающие РВ с трудом воспринимают официальный тезис о том, что беззакония времён культа личности Сталина не изменили природу советского строя, были лишь отклонениями в отдельных сферах от закономерностей строительства социализма.

У нашего поколения был бы шанс стать достойными преемниками авангарда «60-ников», если б реформаторское крыло в руководстве страной, прагматики (условно — А.Н.Косыгин, его экономический штаб) оказались сильнее, и совершенствование социализма стало бы миссией в частности РВ. Однако

лишь к концу 1960-х пришло время, когда РВ видят, и так или иначе участвуют, в продолжающихся реформах (более продуманных, осторожных), в исправлении загибов, увлечений предшествующего этапа. Это ненадолго вселяет доверие к системе как способной к развитию. Вторым решающим фактором дооформления политических представлений РВ стало узнавание или угадывание западных социальных и культурных ценностей. Особенно последних.

Ключевое слово в политической атмосфере 1960-х — двойственность. Она была свойственна и советскому социализму, и политическому сознанию, в частности, молодых. Двойственны были слова и дела вождей, отразившиеся в Программе КПСС. Двойственным было представление о развитии капитализме... Всё это многообразно отражалось в политической психологии 1960-х.

Но общий настрой с каждым годом уводит РВ от активного участия в решении общественных проблем. Семьи стали меньше. Отдельные квартиры требуют большей заботы о новом быте. Политика воспринимается как фон, как «слова», за которыми не всякий видит действительное содержание.

Соответственно, виноватых в злодеяниях сталинизма искали далеко не все. В этом народ и его молодая часть — РВ — были умнее, практичнее диссидентов из числа «60-ников», ибо ожидать от КПСС дополнительного покаяния не приходилось, а жить-то надо было дальше. Ослабление в обществе и в данном поколении глубинных побуждений коммунистического бескорыстия и самоотверженности усиливает стремление 25--28-летних РВ к квалификационному, служебному продвижению вверх. Для части когорты таким путём становится отход от профессии, согласие на приглашение в партийные, комсомольские органы на освобождённые должности. А это предполагает карьеру номенклатурного руководителя, «политика».

Всё же нового было в жизни столько, что конфликт Отцов и Детей разгорался, раздуваемый, в частности, непризнанными литераторами, в том числе талантливыми. И это было не только в СССР.

В 1960-е гг. зашевелилась и молодёжь Запада. Ей-то какого рожна надо было? Ответ — в том общем, что всё явственнее выступало на поверхность в этих «мирах». В обоих «завязался цирк» после отдохновения от Войны. Оба мира балансировали на грани новой всеуничтожающей войны — ради спасения своих ценностей и распространения их на весь свет. Молодёжь хотелось просто жить, развлекаться, и она выступала даже против региональных войн (Вьетнам). Кастро был нашим кумиром, но не настолько, чтобы радоваться Карибскому кризису. Многим, если не большинству, молодых ближе к телу была футболка с «Битлами», подружка (или бой-френд), чем всемирно-историческая победа того или другого строя.

Это беспокоило власти в СССР. Индустрия политико-нравственного воспитания молодёжи становилась всё разветвлёнее и мощнее по масштабам и затратам («Ленинский зачёт»...). Но оперирование полуправдивой информацией, умолчания о наблевшем превращали её в орудие против следствий, а не причин юношеского нигилизма, недовольства. Молодые не возражали в принципе против очевидных традиционных правил морали, в том числе — в политике. Но соус, под коим готовилось это блюдо, давно прокис. В лучшем случае результат был ничтожный, в худшем — отрицательный.

Однако политические результаты воздействий на РВ заключались и в том, что поколение выросло уже в годы, когда во всех звеньях политсистемы действовали нормы ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО централизма. То есть привычны были и для РВ универсальные, хоть и изуродованные, формы и нормы решения общественных вопросов. Так, мы из истории узнавали и на практике видели роль прессы-организатора, а не только агита-

⁴⁷ Рафикова С. "По проспекту, словно манекен...". Образ стильяги глазами сибирских обывателей. // Родина, 2010, № 10, с. 135 - 138.

тора. Что и пригодилось сразу диссидентам, а в Перестройку — и множеству общественных объединений.

С поправкой на приоритет классовых, революционных предназначений рабочего класса, коммунистов как защитников интересов всех групп и слоёв народа — воспитатели учили простым правилам и ценностям общечеловеческого плана — умению работать, трудолюбию, честности («...Веди аккуратно счёт денег, не воруй...», — учил Ленин), любви действенной к социалистической Родине, гуманизму по отношению к трудящимся своей страны и мира.

По возрасту РВ не могли быть ни первыми организаторами подрыва советского строя, ни его главными защитниками от внутренних врагов. По обе стороны баррикад РВ лишь присоединялись к противостоявшим отрядам. Но сам факт равнодушия политического РВ, раздражения против органических не-

достатков советского строя, отсюда их, РВ, пассивность, нежелание защищать строй и государство от распада — всё это стало одним из факторов политического кризиса, затем краха СССР, когда не удалась Перестройка. Не говоря уже о брожении умов среди РВ-студентов, творческой молодёжи, о прямых действиях единиц — героев Сопротивления режиму.

В условиях однобокой политсистемы полем идеологических противостояний часто становилась сфера культуры.

Прекраснодушные мечтания творческой молодёжи 1960-х, отстранение рядового молодого большинства от совершенствования социализма «на своём рабочем месте» оставили простор для погружения общества в трясины застоя, опасную не только отставанием от «развитых стран», но и копившимся стремлением хоть к каким-нибудь переменам, ибо казалось, что дышать в болоте нечем.